

Белые стены палаты, белые простыни, запах дезинфицирующего средства в воздухе — все это было так мне знакомо, но на этот раз в постели лежала не я.

Я стояла у кровати, а спящий мужчина выглядел изможденным и безобидным. Черты лица смягчились, утратив свою обычную надменность, и стали несколько безжизненными.

Я посмотрела на его правую руку. Она была завернута в толстый слой марли.

"Рубильник для открывания каменной плиты был испорчен, и за исключением того времени, пока кто-то на него жмет, он закрыт", — узнала я позже, после спасения, то, что он не успел сказать мне тогда.

— У пациента небольшое кровотечение в грудной полости, сухожилие правого указательного пальца порвано, сильно повреждена тыльная сторона кисти, а на ладони глубокая рана, потребовавшая наложения швов.

Информация от доктора заставила меня надолго замолчать. Он защитил меня, когда мы упали, и упали очень сильно. Но он никогда об этом не говорил.

Правда и ложь, одна за другой, осторожное разыгрывание карт, используя, обманывая и манипулируя эмоциями, и, наконец, даже разыгрывая свою собственную жизнь. Если бы я действительно оставила его там, не пожалела бы я потом об этом?

Такой сообразительный человек, но когда дело касается чувств — такой неуклюжий и ограниченный.

Его глаза медленно открылись, и когда он увидел меня, в его лице появилось некоторое удивление:

— Аньцзе, — голос был хриплым и грубым. Он протянул руку и взял меня за запястье.

— Я позову доктора, — я всеми силами заставляла себя успокоиться.

— Погоди-погоди, — он немного с трудом уселся, его глаза, подобные глубокому пруду, не отрывались от меня, — я в порядке, не уходи.

Мне было неловко смотреть на него, я отвернулась:

— Си Сичэнь, я не могу принять твои чувства только из благодарности.

— Я знаю, — сказал он, — просто я думал, ты не вернешься.

— Твой спектакль «нанеси себе вред, чтобы тебя жалели» удался на славу, — слегка усмехнулась я. Думая о том, что произошло, я всё ещё была удивлена. Если бы я не сообразила, что его ранение – не подделка, если бы я не была, как он говорил, достаточно «мягкосердечной»... Когда приехала полиция и скорая, я обнаружила себя с телефоном в дрожащей руке.

— Это из-за... угрызений совести?

Я посмотрела на него с каменным лицом:

— Не испытывай моё терпение.

Он криво улыбнулся:

— Аньцзе, я правда не делал ничего подобного, — скорее всего, из-за ранения он выглядел немного уязвимей.

— Си Сичэнь, возвращайся в Китай, не приходи больше, — с глаз долой, из сердца вон, вместе с любовью и ненавистью. Все как с Е Линем. Дюйм любовной тоски, что дюйм пепла. Когда тоска угаснет, любовь превратится в пепел.

— Я не могу, — он задумался, глядя на меня, затем потянул мою руку ко рту и поцеловал. Это нежнейшее прикосновение невольно заставило мое сердце трепетать, — Ты же уже простила меня, верно?

— Я не божество, не в силах прощать кого угодно.

Он прислонил лоб к моей руке и неразборчиво пробормотал:

— Ты... — после я плохо расслышала, — Сейчас и этого уже достаточно.

Я не поняла, чему Си Сичэнь так внезапно просто успокоился. Он показался мне очень странным.

— Отдыхай, - разжав его руку, я взяла рюкзак и пошла к выходу.

— Аньцзе, — окликнул он меня, — я надеюсь, ты знаешь: я не сделаю что-то, что заставит тебя страдать. И еще... прости.

Я не ответила, открыла дверь и вышла. Его «прости» пришло с шестилетним опозданием, но сейчас подарило покой

Я вернулась в кампус. У Лян Айвэнь не вызвало ни малейших вопросов то, что я вернулась в комнату в одежде, сильно испачканной грязью. Мы всегда мало общались. За исключением того разговора о «принце в костюме» ранее.

Я искупалась и легла в кровать, невольно вспоминая Си Сичэня. То, что я пережила в том туннеле, словно выкинуло меня из реальности. Думаю, за всю жизнь трудно будет забыть это.

И я не просто не забуду, а еще и запомню.

Раньше я получила сообщение от своей тети. Она спросила меня, не хочу ли я поехать работать в Финляндию и осесть там после окончания учебы. Я не близка со своей матерью, особенно после ее развода, но более близка со своей тетей. Скорее всего, потому что у меня с ней много общего, мы обе одинаково любим живопись, и у нас одинаковые взгляды на жизнь. Я стремлюсь к сердцу лишь одного человека, которого не брошу и через сто лет. Ее первый муж погиб в результате несчастного случая на стройке, а второй, отец Пу Чжэна, умер от рака легких. У моей тети нет детей, Пу Чжэн — ее пасынок, а я — единственный ее потомок, с которым у нее кровное родство. Поэтому она очень заботится обо мне и даже о моем обучении, за исключением первого года во Франции, когда я использовала деньги Цзянь Чженьлиня. Позже я полагалась на гранты, на которые подавала заявки, и финансирование моей тети, не говоря уже о расходах на жизнь.

Раньше я говорила тете, что мне не нравится жить за границей, но теперь я понимаю, что не важно, где живут люди: у моря или в пустыне. Главное - кто с ними, поэтому я поеду в Финляндию, потому что там мой самый близкий родственник.

На следующее утро я отправилась в библиотеку, чтобы проверить свою дипломную работу. Я не собиралась ехать в больницу навещать Си Сичэня, на самом деле. События, сложившиеся в тот день, были для меня очень неожиданными.

В полдень я вернулась в общежитие, планируя собрать зимние вещи и пару книг для отправки в Финляндию. Перебирая вещи, я наткнулась на ту куртку. Теперь я точно могла быть уверена, что эта вещь Си Сичэня, потому что в паспорте его английское имя было Elvis.

Более того, в паспорте также был указан въезд и выезд во Францию, один или два раза.

Конечно, вначале я решила не ездить в больницу, но все равно приехала сюда. Так как это его вещь и он помог мне в том году, ее следует вернуть. Я про себя подумала: «если бы можно было возвращать вещи, не видя людей, это было бы замечательно». Не знаю, почему, но сейчас я немного боялась встретиться с ним лицом к лицу.

Ночью в больнице было гораздо пустынное, чем днем. Я пошла в приемное отделение стационара, нашла дежурную медсестру и объяснила ей ситуацию. Как только она выслушала имя и проверила его информацию в компьютере, она сказала:

— Элвиса выписали, он прошел процедуру выписки еще вечером.

Я удивилась:

— Выписали?

— Да, но он оставил адрес, — просто ответила медсестра, протягивая мне бумажку с адресом.

Я взяла ее. Он знал, что я приду?

У меня легкая степень обсессивно-компульсивного расстройства. Иначе говоря, навязчивое стремление, наподобие того, что мне нужно закончить свои дела, когда я была в Китае, как бы мне не хотелось избежать этого.

Адрес на записке принадлежал отелю на берегу Сены. Я взяла до него такси и передала администратору отеля на стойке регистрации двадцать евро, в качестве чаевых, и пакет.

— Пожалуйста, передайте это мистеру Элвису, он остановился в вашем отеле.

Администратор взял деньги и пакет, заглянув туда:

— Неплохая куртка. Погодите, это что, кредитные карты?

Я забыла, что не положила деньги и карты в карман курки, и что иностранцы очень чувствительны к деньгам. Конечно же, он вернул пакет назад:

— Извините, мисс, передайте это ему лично, — затем он подсказал: — Его номер 1507, вы можете подняться на лифте.

Кажется, я только потеряла двадцать евро.

Поднимаясь по лифту, я не могла не думать: разве я не преодолела бесчисленные трудности, чтобы увидеть того высокомерного Си Сичэня?

Вот и дверь в номер 1507. Я колебалась, но, в конце концов, позвонила, однако никак не думала, что дверь откроет незнакомая девушка.

— Позвольте спросить, кого вы ищете? — она говорила по-английски.

Мне показалось, что она китаянка, поэтому я ответила на китайском:

— Я ищу... Си Сичэня.

Она улыбнулась и сразу перешла на китайский, но не так бегло:

— У вас какое-то дело? Он сейчас разговаривает по телефону.

— Пожалуйста, передайте ему этот пакет с его вещами, — как только я подумала о том, чтобы передать пакет, как в комнату кто-то вошел. В тот момент, когда я взглянула на него, я пожалела, что пришла сюда.

Затем зазвонил мой телефон, я посмотрел на номер, кивнув стоящей передо мной женщине, и отошла в сторону ответить на звонок.

На конце провода около пяти минут шепотом заговорили:

— Аньцзе, это я.

— Да, — я предположила, что это Пу Чжэн. Вернувшись во Францию на этот раз, я сменила номер телефона. Кроме тети, Пу Чжэна и бывшего лечащего врача Сяо Ди, я еще никому не успела его сообщить.

— Я сейчас в аэропорту, в восемь часов вылет в Китай.

— Ага.

— Эээ... — его голос был почти беззвучным, — я лишь хотел попрощаться... хотел услышать твой голос.

— ...Ага, спокойной дороги.

На мгновение на той стороне провода все затихло:

— Спокойной? О, как я надеюсь, что что-нибудь произойдет. Прости, кажется, не стоило тебе звонить, — затем он повесил трубку.

Я немного потеряла дар речи от такой невообразимой ситуации.

— Ты меня искала? — раздался ласковый голос позади меня.

Я обернулась и встретила взгляд счастливых глаз. Он стоял в дверном проходе, одетый в

пижаму, между бровями была небольшая морщинка.

— Ты приходила в больницу?

— Ты... выписался раньше срока? — я не должна была спрашивать, но вопрос сам вышел из моих уст.

Он улыбнулся:

— Я не собирался впустую тратить время, отлеживаясь в больнице.

Кажется, он хотел этим что-то сказать, но я не хотела в этом больше разбираться и просто протянула ему пакет:

— Я думаю, это твои вещи.

Он смотрел мне в глаза, снова улыбаясь:

— Почему ты говоришь, что это мои вещи?

Я видела, что он не собирался принимать пакет, поэтому я поставила его на пол возле дверей. Он продолжал смотреть на меня, будто ждал, что я ему что-нибудь скажу.

— В самом деле, тебе не стоит так много для меня делать, правда, — я не хочу принимать чувства, на которые не смогу ответить, — Пока.

— Аньцзе, — позвал меня Си Сичэнь, подняв пакет, — раз уж ты говоришь, что это мое, я хочу проверить, не пропало ли оттуда чего-нибудь.

— ...

Если бы я была слабее, если б мой характер был хуже, думаю, я бы разозлилась.

— Сичэнь, я, наверно, пойду? — сказал девушка, что открыла мне ранее дверь.

Си Сичэнь повернулся и обратился к девушке своим обычным голосом:

— Хорошо, позже созвонимся, передавай привет от меня своему отцу.

— Обязательно! Берегите себя, через два дня поужинаем все вместе, — договорив, девушка махнула рукой и кивнула в привычно вежливой манере.

Девушка ушла. Си Сичэнь потянул меня за руку, завел в комнату и закрыл дверь. Своим взглядом он ошеломил меня. Я направилась к дивану, что стоял впереди меня. В комнате горел яркий свет, на стене работал жидкокристаллический телевизор, где транслировалась местная французская развлекательная программа.

— Кофе или просто воду?

— Если ты уже закончил проверять...

Он налил мне стакан воды:

— Еще нет, в конце концов, много лет прошло. Мне нужно вспомнить, что тогда лежало у меня в карманах.

Я сжала руки в кулаки:

— Си Сичэнь, не нужно думать, что, раз ты помог мне однажды или дважды, то можешь меня унижать.

Си Сичэнь выбрал место на диване рядом со мной.

— Я не унижаю тебя, как ты говоришь.

Я ненадолго замолчала.

— Хорошо, тогда я могу идти?

— Когда ты ушла из больницы, я подумал, что ты определенно не вернешься снова навестить меня. Но не мог думать о той крохотной, одной на тысячу, надежде. Поэтому и оставил записку с адресом. Мне очень приятно, что ты искала меня. Готов умереть от счастья, — сказал он тихим голосом.

Я прикусила губу:

— Я пришла вернуть твои вещи.

Он тихонько улыбнулся:

— Эта девушка, с которой мы только что говорили о некоторых делах, — ответственная за французский филиал компании, У меня сейчас не очень со здоровьем, поэтому попросил ее приехать сюда. Наши отцы...

— Тебе не обязательно мне все это объяснять.

Он просто ненадолго замер, в следующий миг уголки его губ приподнялись, и он сказал печальным голосом:

— Да, я забыл, что ты — Цзянь Аньцзе. Думаешь, что я не знаю, что хорошо, а что плохо.

Вопреки ожиданиям, я встала и в третий раз спросила:

— Ты уже закончил проверять? Я могу идти?

— Я тебя задерживаю? — его тон стал недобрым.

<http://tl.rulate.ru/book/30369/1620806>